

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата исторических наук, доцента Скворцова Артема Михайловича на диссертацию Гицевича Евгения Сергеевича «Институционализация антиковедения в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки)

Появление диссертации Е. С. Гицевича, посвященной дореволюционному антиковедению, представляется мне своевременным. В последние годы наблюдается явный крен в сторону изучения советской историографии древней истории, показателем чему служит, например, ежегодная конференция «Советская древность», проводимая ИВИ РАН (в настоящее время состоялось уже девять сессий). Под пристальным взором историографов оказывались конкретные научно-исследовательские и образовательные институты, коллективные проекты историков, учебные пособия, особенности нарратива и проч. Исследования же в области дореволюционного антиковедения, как правило, ограничиваются отдельными сюжетами: биографиями ученых, их концепциями, практикой домашних семинаров, публикацией переписки и проч. Поэтому появление обобщающего труда, который, с одной стороны, объединил и систематизировал предыдущий исследовательский опыт, а с другой, синтезируя антропологический, концептуальный, классический институциональный подходы, дал свежий взгляд на процессы в антиковедении рубежа XIX–XX вв., можно только приветствовать.

У Е. С. Гицевича, безусловно, есть предшественники. В некоторой степени поставленные соискателем задачи решаются в монографии Э. Д. Фролова «Русская наука об античности: историографические очерки» (1999). Не случайно в названии фигурирует наименование жанра – «очерки»: в книге представлены отдельные сюжеты, и автор не претендовал на всеобъемлющий охват. Справедливой является и критика А. К. Гаврилова¹: Э. Д. Фролов обращается в основном к антиковедению в Петербурге и недостаточно полное внимание уделяет филологам-классикам, хотя и утверждает, что сам термин «антиковедение» он понимает широко в его изначальном смысле как *Altertumswissenschaft*. В целом же, можно говорить, что на содержание монографии Э. Д. Фролова заметно повлиял труд В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (Ч. 1: 1929; Ч.

¹ Гаврилов А.К. Из новейшей историографии русского антиковедения // Древний мир и мы. 2003. Т. III. С. 335–362.

2: 1931). Книга Бузескула тоже знаменует собой важную веху в историографии, но нужно признать, что она имеет обзорный характер: автор привел краткие сведения из научной биографии историков и изложил их основные идеи. В итоге у Бузескула наглядно представлено накопление знаний в различных областях всеобщей истории. Э. Д. Фролов все же пытался концептуально осмыслить само развитие науки о древности, используя явление классицизма. После этой монографии, кажется, не было комплексного, систематического труда по истории дореволюционного антиковедения. Между тем без таких исследований невозможно понять, например, процессы в советской и современной науке о древности, если мы признаем значимость имманентных факторов в ее развитии. Поэтому еще раз повторю: проблема, выбранная Е. С. Гицевичем, для диссертационного исследования актуальна и способствует осмыслению вопросов, выходящих за хронологические рамки диссертации. Замечу, что кроме общего анализа российского антиковедения, соискателем впервые рассмотрены такие сюжеты, как становление периодических научных изданий и деятельность научных обществ в контексте институционализации изучаемого научного направления.

Заслуживает внимания подход Е. С. Гицевича, основанный на исследованиях И. Жэнгра, Т. Скочполы и Д. Норга. Разработки этих ученых позволили диссертанту выйти за пределы формально-организационного понимания «института» и, включив в поле зрения социальный аспект, обратиться к процессу институционализации через действия и мероприятия самих ученых по конструированию интеллектуального пространства, таким образом, выявить создаваемые ими для функционирования корпорации регулятивные механизмы, определить формирующиеся стереотипы поведения, нормы и проч. В этой связи ценным сюжетом в диссертации является анализ сети научных обществ рубежа XIX–XX вв. Некоторые из них, как доказывается в диссертации, хоть и назывались «археологическими», но свои заседания очень часто посвящали вопросам конкретной истории Греции и Рима. Совершенно справедливо отмечена значимость этих обществ для институционализации антиковедения в России: они организовывали археологические исследования (хоть и в ограниченном масштабе), публиковали периодические и фундаментальные издания, становились площадкой для обсуждения дискуссионных вопросов.

Под избранным углом зрения некоторые, казалось бы, изученные в историографии вопросы – домашние семинары, заграничные командировки, практики защит диссертаций, международные исторические конгрессы начала XX в. и др. – приобрели в диссертации новые оттенки и смыслы и

органично вплелись в общую ткань повествования, а соединяющими эти разные аспекты институционализации звеньями стали сами ученые, а точнее – их усилия по созданию науки об античности в России. Так, анализируя планы командировок, маршруты путешествий «стажеров», Е. С. Гицевич замечает, например, снижение с конца XIX в. востребованности со стороны русских ученых-антиковедов университетов Германии и Франции (с. 109). Отсутствие стремления посещать семинары именитых европейских профессоров диссертант справедливо связывает с оценкой «оставленных для получения профессорского звания» своего уровня образования, полученного в российских университетах, как достаточного для самостоятельной исследовательской работы в библиотеках и музейных фондах.

При этом процесс институционализации в диссертации Е. С. Гицевича не предстает упрощенным и линейным. Соискатель обращается и к факторам, тормозившим его (недостаточное финансирование археологических раскопок в Причерноморье и специализированных журналов, государственная политика в области образования в 1870-х гг. и т.д.), а также к путям решения возникших проблем. Заслуживает внимания и вывод автора, что ряд журналов антиковедческой направленности (например, «Филологическое обозрение») без финансовой поддержки государства существовать не мог (с. 161): спрос на такие журналы со стороны широкой общественности был низкий, что ставило зачастую их на грань выживания. Данный вывод наталкивает на размышления о степени глубины традиций классицизма в русском обществе и причинах тяжелого состояния антиковедения в 1920-е гг., когда целенаправленная поддержка государства отсутствовала.

Но замечу один важный аспект, которому соискатель уделяет мало внимания: основная деятельность ученого состоит все же в производстве научного знания, а функция научного сообщества заключается в том числе и в экспертизе выдвигаемых гипотез. Поэтому, думаю, что в диссертации большее внимание следовало уделить анализу рецензий и оппонентских отзывов, способствующих выяснению источниковедческой и историографической культуры дореволюционных антиковедов, а также вопросам осмысления ими критериев успешного научного исследования по древней истории. Так, в монографии о диссертационной культуре дореволюционной России² нам с коллегами, как кажется, удалось показать, что становление практики получения научных степеней происходило при

---

² Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защиты диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М.; СПб., 2022.

активных инициативных действиях самого сообщества и выработывалось в ходе диспутов и спорах на страницах печати. Домашние семинары, научные общества, специализированные журналы, международные симпозиумы и проч. формы научной жизни, о которых соискатель подробно рассказывает, в конечном счете создают особую коммуникационную среду, где бытуют принимаемые большинством представления об актуальных методологических подходах, направлениях и методиках работы. В этой среде и реализуется экспертная функция. К тому же Е. С. Гицевич ставит себе целью определение влияния институционализации «на результаты работы научной дисциплины» (с. 18). Соискателю следовало пояснить, что он понимает под «результатом», и каковы критерии выявления результативности. Позволю высказать мнение: в данном случае под результатами должны подразумеваться, главным образом, научные публикации, причем не только в количественном измерении, но и в качественном, выявляющемся через оценку научной продукции, например, мировым сообществом. В параграфе о международных конгрессах приведены некоторые характеристики, данные зарубежными исследователями, на доклады русских ученых, но почему-то эти характеристики изложены только со слов самих русских ученых (с. 227). Но здесь хотелось бы видеть непосредственную оценку зарубежных ученых, их восприятие российских штудий, в частности, в таком приоритетном для российской классической археологии направлении, как Северное Причерноморье. Кстати, русский язык не был официальным языком заседаний конгрессов наряду с немецкими, французским, итальянским, греческим... В этом отношении интересно было бы предпринять исследование документов из архива С. А. Жебелева (СПбФ АРАН), где хранятся подготовительные материалы к планируемому международному конгрессу в Петербурге в 1918 г.

При исследовании научной продукции шире можно было использовать количественные методы. Проведенный и представленный в Приложении 8–11 арифметический подсчет интересен, но представляется недостаточным. Детализированный тематический анализ позволил бы выявить приоритетные направления и научные проблемы в отечественном антиковедении, определить динамику этого вопроса, соотнести полученные данные с открытиями в области археологии, папирологии и эпиграфики, а также с разработками в мировом антиковедении.

Приветствуя в целом заявленный соискателем неинституциональный подход, останавлиюсь на лингвистическом аспекте употребления слова «институциональный». В заглавии у Е. С. Гицевича значится:

«Институализация [курсив мой – А.С.] антиковедения...», в тексте же неоднократно встречается «институционализация» (в том числе в определении цели и методологии исследования, см., напр., с. 21). Форма «институционализация» нам представляется наиболее корректной, поскольку само слово происходит от *institutionalization*, которое производно не от *institute*, а от *institution* (зафиксировано в среднеанглийском и старофранцузском)³. Диссертант может не соглашаться с данной трактовкой, но необходимо было унифицировать в тексте употребление этого первостепенного для исследования термина.

Заявленная методология позволила четко структурировать диссертацию по главам и параграфам, которые имеют проблемный характер. Введение в целом написано квалифицированно, необходимые элементы для понимания проблематики исследования присутствуют. Однако выскажу несколько пожеланий и замечаний. **1.** В историографическом обзоре хотелось видеть не только описание области исследования того или иного автора, но и критический анализ в отношении подходов и выводов предшественников, определения достоинств и недостатков их работ. Думаю, например, недостаточно лишь перечисление фамилий историографов в абзаце, посвященном состоянию вопроса об «оставленных для получения профессорского звания». Из упущенной литературы назову: фундаментальное издание Античного кабинета «Словарь петербургских антиковедов» в трех томах (2021 г.), работы И. Л. Тихонова по истории петербургской археологии; следовало бы учесть и недавно защищенную в МГУ докторскую диссертацию Д. А. Цыганкова (2023). **2.** Обращает на себя внимание схожесть формулировок объекта и предмета исследования. Так, «объектом выступает отечественное антиковедение в части его институционального устройства», а предметом «институциональное устройство отечественного дореволюционного антиковедения в конце XIX – начале XX вв.» (с. 17). **3.** При перечислении делопроизводственных документов во Введении отсутствуют ссылки на архивные дела. Нет ссылок и при перечислении источников личного происхождения. Наконец, соискателю следовало пояснить термин «историографический источник», поскольку вокруг его употребления и осмысления ведутся дискуссии⁴.

Представленные «Основные положения диссертации, выносимые на защиту» (с. 15–16), логично вытекают из анализа источников и отражают

³ См. подробнее: Жмудь Л.Я. Институционализация, институциализация, институализация науки // Годичная конференция ИИЕТ РАН. М., 2021. С. 30.

⁴ См. обзор: Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 98–114.

вклад соискателя в историографию (особенно пп. 3–7). В этом перечне остался не совсем понятен лишь первый пункт, где утверждается, что «организация преподавания и подготовки высших научно-педагогических кадров специалистов по античной истории представляла собой развитую систему институтов, позволяющую *эффективно* [курсив мой – А.С.] осуществлять подготовку ученых специалистов по античному миру» (с. 15). Остался неясен критерий измерения эффективности. Если использовать в данном случае, например, количественный показатель, то на материале динамики защит диссертаций сам же соискатель делает вывод о снижении в начале XX в. количества защищенных диссертаций и уменьшении притока новых кадров в науку об античности (с. 89). Цифры, как кажется, противоречат пункту 1 «Положений», либо эта «несостыковка» нуждается в объяснении. Добавлю, что на с. 90 из выявленной доли защищенных на историко-филологических факультетах Российской империи диссертаций по античной истории (37,5 %) делается вывод об эффективности научно-образовательной системы в области антиковедения, а сама доля называется «*весьма существенной*». Думаю, что таковой ее можно назвать только в сравнительно-сопоставительном аспекте – на основании чего 37,5% диссертаций по античности от общего объема защищенных квалификационных работ считается «*весьма существенной*» долей? Где грань между «*существенным*» и «*несущественным*» в данном случае? Нельзя не обратить внимание и на снижение доли докладов от российских ученых по антиковедению на международных исторических конгрессах (с. 223) в период, казалось бы, наивысшего расцвета науки о древности в нашей стране. Следует пояснить, как этот вывод соотносится с п. 1 «*Основных положений диссертации, выносимых на защиту*».

Совершенно справедливо «антиковедение» понимается диссертантом в том первоначальном значении – совокупности исторических и филологических дисциплин о древности – которое вкладывали в *Altertumswissenschaft* немецкие филологи-классики XIX в. Российские ученые начала XX в. были также вполне солидарны с таким определением. Однако Е. С. Гицевич, к сожалению, порой отходит от сформулированной им же позиции. На с. 59 делается вывод, что процесс институционализации антиковедения в системе высшего образования не был завершен, поскольку не произошло разделения кафедр античной истории и классической филологии, в то время как кафедра всеобщей истории существовала отдельно от кафедры романо-германской филологии. Считаю, что к разделению классической филологии и античной истории никто в то время и не стремился, понимая важность филологического образования для изучения и

нарративных источников, и папирусов, и эпиграфики. Заметим, что даже в начале 1930-х гг. советский антиковед С. И. Ковалев считал такое разделение кафедр в ЛИФЛИ ненормальным и, по словам О. М. Фрейденберг, стремился объединить кафедры под своим началом. А получивший историческое образования по античности в конце 1920-х гг., после разделения кафедр, Л. Л. Раков сетовал на ограниченность своего образования из-за плохого знания древних языков и, будучи доцентом кафедры истории Древней Греции и Рима ЛГУ, в 1930-е гг. ходил на домашние занятия к В.В. Петуховой. Совершенно нормально, что курсы «филологической направленности <...> имели больше часов, чем курсы конкретно-исторические» (с. 59). Чтение древних авторов на кафедре классической филологии СПбГУ и сейчас сопровождается обширным реальным комментарием, углубляющим представления студентов об истории древней Греции и Рима (причем соискатель сам же отмечает, что И. В. Помяловский со студентами читал надписи, В. В. Латышев – Плутарха и Фукидида, Ф. Ф. Зелинский – Тита Ливия, то есть исторические по содержанию тексты). К тому же следует учесть, что поступающие в университет имели отличное гимназическое образование, которое позволяло профессорам порой не излагать на лекциях последовательно все части общих курсов, а делать упор на отдельные проблемы.

В заключении отмечу наличие досадных опечаток в написании ряда фамилий дореволюционных антиковедов (например, Никитского, Нагуевского), а также современных историографов (Алеврас, Свешникова – см. список литературы).

Разработанная Е. С. Гицевичем исследовательская модель применима в изучении других отраслей и периодов исторической науки и в целом – гуманитаристики. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в учебном процессе в рамках дисциплин «История исторической науки» и «Историография всеобщей истории». В рамках же заявленного дореволюционного периода Е. С. Гицевич решил поставленные задачи. Полученные выводы обладают новизной, а их теоретический характер позволяет выявить нацеленность соискателя на осмысление широких науковедческих вопросов и четко установить его личный вклад в историографию. Отдельные положения диссертации представлены в 6 публикациях, в числе которых 4 изданы в журналах, рекомендованных ВАК. В автореферате (с. 16) представлены и конференции, на которых проходила апробация работы. В качестве пожелания могу порекомендовать Е. С. Гицевичу принимать более активное участие в специализированных антиковедческих конференциях в Москве и Петербурге.

Представленная диссертационная работа Гицевича Евгения Сергеевича «Институциализация антиковедения в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв.» полностью соответствует требованиям п. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Гицевич Евгений Сергеевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Даю согласие на включение своих персональных данных в аттестационное дело соискателя.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук (специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки)), доцент, научный сотрудник Сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Скворцов Артем Михайлович
29.01.2024

Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5, литера Б
Эл. почта: artyom-skvortcov@yandex.ru
Тел. раб.: (812) 328-47-12